

mandé, et ce qui m'a toujours fait soupçonner qu'on avait tué le nom de son auteur, c'est qu'au moment même de sa présentation, deux de mes collègues et de mes cadets, me dépassèrent en devenant colonels. Le mémoire, que j'ai eu l'honneur de remettre le 2-ème Décembre dernier (1794) à M-r le C-te Soltykof, pour être présenté à S. M. I., et qui sans doute aura passé sous ses yeux, faisait allusion à toutes ces choses.

De La Harpe.

Сообщ. Н. П. Дуровъ.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Отъ декабря 1836 до 1844 года.

ПЕРИОДЪ VII.

Определение капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. — Поѣзда въ Малороссію.—Начало оперы «Русланъ и Людмила».—Оставленіе службы.—Разрывъ съ женою.

1 января 1837 г. я былъ назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Въ концѣ 1836 г., зимою, скончался директоръ придворныхъ пѣвчихъ, Федоръ Петровичъ Львовъ. Графъ Михаилъ Юрьевичъ**) и князь Григорій Волконскій по своему искреннему ко мнѣ расположению, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить меня соотвѣтственно моимъ способностямъ; ибо они ясно видѣли, что, кроме другихъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ; для меня не лишними были и материальные пособія, какъ-то: окладъ и казенная квартира съ дровами.

Министръ двора приказалъ объявить мнѣ, чрезъ управлявшаго его канцеляріею Панаева (автора «Идиллій»), что есть мнѣ назначеніе и чтобы я далъ отвѣтъ. Я разспросилъ, въ чемъ должна была состоять моя обязанность и узнавъ, что я долженъ буду заниматься единственno искусственною частью, объя-

*) Русская Старина, т. I, стр.: 380 — 402; 474 — 494; 562 — 594; т. II, стр. 56 — 73. Настоящая часть записокъ, какъ отмѣчено рукою М. И. Глинки на обложкѣ рукописи: начата «въ С.-Петербургѣ, 7 сентября 1854 г.»

**) Вильгорскій.

вилъ, что соглашаюсь принять званіе капельмейстера придворной капеллы. Я спросилъ однако же предварительно, кто у меня будетъ начальникомъ и какія къ нему будутъ отношенія? Панаевъ объяснилъ мнѣ, что директоръ долженъ быть завѣдывать единственno хозяйственnoю частію, а на вопросъ мой: кого именно предполагаютъ назначить? отвѣчалъ, что или князя Григорія Волконскаго, или графа Матвѣя Юрьевича. Хотя я могъ предполагать, что они также будутъ вмѣшиваться и въ музыкальную часть, однако же радовался служить съ ними, какъ съ людьми пріятными и искренно ко мнѣ расположеннымми.

Того же дня вечеромъ, за кулисами, государь императоръ, увидя меня на сценѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои гѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и слѣдственно стоять, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Эти ласковыя слова привели меня въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ государю только нѣсколькоими почтительными поклонами. На другой день я отправился къ графу Матвѣю Юрьевичу Вельегорскому; онъ принялъ меня радушнѣе обыкновенного, мы оба радовались служить вмѣстѣ и заранѣе помышляли о возможныхъ улучшеніяхъ придворной капеллы. Вышло однакоже чрезъ нѣсколько дней, что назначенъ былъ директоромъ Алексѣй Федоровичъ Львовъ, что нѣсколько смутило меня, ибо мои тогдашнія къ нему отношенія измѣнились по весьма странной для меня причинѣ.

Старикъ Федоръ Петровичъ Львовъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, навѣщалъ меня вскорѣ по моемъ приѣздѣ въ Петербургъ въ 1834 г., когда я жилъ у Стунѣва, несмотря на то, что квартира наша была на самомъ верху. Онъ оказывалъ мнѣ необыкновенное вниманіе; письмо, посланное ко мнѣ съ его книжкой о русскомъ церковномъ шнїи, еще болѣе высказывало эти чувства. Однажды я былъ въ ложѣ, не помню въ какомъ театрѣ, вмѣстѣ съ невѣстой моей, Марьей Петровной, и въ тоже время въ другой ложѣ былъ Федоръ Петровичъ Львовъ съ своимъ семействомъ; когда онъ увидалъ меня съ невѣстой, то отвернулся отъ меня съ видомъ неудовольствія и мы съ той поры не кланялись.

Несмотря на это, Алексѣй Федоровичъ Львовъ принялъ меня

съ искреннимъ радушіемъ и мы рѣшились идти рука объ руку на нашемъ новомъ поприщѣ. Вскорѣ по опредѣленіи нашемъ Алексѣй Федоровичъ сдѣлалъ экзаменъ; многіе изъ большихъ пѣвчихъ, т.-е. теноровъ и басовъ оказались весьма плохими. Алексѣй Федоровичъ хотѣлъ-было нѣкоторыхъ исключить, однако же дѣло обошлось и безъ того. Я взялся учить ихъ музыкѣ, т.-е. чтенію нотъ, и исправить интонацію, по-русски — вывѣрить голоса. Мой способъ преподаванія состоялъ въ разборѣ скалы, означенія полутоновъ, слѣдственно изысканія причины употребленія знаковъ повышенія и пониженія; впослѣдствіи писалъ я на доскѣ двухголосныя короткія задачи (*Sâbre*), заставляя сперва сдѣлать разборъ, потомъ спѣть одну, потомъ разобрать и спѣсть другую партію, потомъ всѣ вмѣстѣ, стараясь образовать слухъ учениковъ моихъ и вывѣрить ихъ голоса.

Когда въ первый разъ явился я для преподаванія съ мѣломъ въ рукѣ, мало наплось охотниковъ; большая часть большихъ пѣвчихъ стояли поодаль съ видомъ недовѣрчивымъ и даже нѣкоторые изъ нихъ усмѣхались. Я, не обращая на то вниманія, принялъся за дѣло такъ усердно и скажу даже ловко, что послѣ нѣсколькихъ уроковъ, всѣ почти большие пѣвчіе, даже и такие, у которыхъ были частные и казенные уроки, приходили ко мнѣ на лекціи.

Мы съ Львовымъ видались часто; въ теченіи зимы, въ началѣ 1837 г. иногда приглашалъ онъ къ себѣ Нестора Кукольника и Брюлова и угождалъ насъ дружески. Не говорю о музыкѣ (онъ иногда игралъ превосходно Моцарта и Гайдна; у него же слышалъ я тріо для 3 скрипокъ Баха). Но онъ, желая привязать художниковъ къ себѣ, не жалѣлъ и завѣтной бутылки какого-нибудь рѣдкаго вина.

Я также часто видался съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. Жуковскій, въ концѣ зимы съ 1836 на 1837 г., далъ мнѣ однажды фантазію: Ночной смотръ, только-что имъ написанную; въ вечеру она уже была готова и я спѣль ее у себя въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Матушка была еще у насъ и она искренно радовалась видѣть у меня такихъ избранныхъ гостей.

По отѣздѣ матушки, въ мартѣ мѣсяцѣ, жена моя расхворалась и наконецъ образовалось у нея воспаленіе легкихъ.

Пользовалъ ее С. Ф. Вольский; ему удалось спасти ее, но выздоровление шло медленно. Жили мы въ Фонарномъ переулкѣ, въ домѣ Мерца, въ той самой квартире, которую впослѣдствіи заняли Кукольники съ братіей.

Болѣзнь жены поколебала мое вѣрованіе въ супружеское счастье; капризы ея послѣ болѣзни—совершенно уничтожили это вѣрованіе.

Первая вспышка мнѣ такъ памятна, что разскажу ее подробнѣ.

Стунѣевъ Алексѣй жилъ въ томъ же домѣ на Вознесенской, съдѣствѣнно очень не далеко, и Софья Петровна часто бывала у насъ. Однажды въ началѣ весны, еще не оправясь, вздумалось МарѣПетровнѣ навѣстить сестру свою; время было скверное, страшно свирѣпствовалъ жестокій сѣверный вѣтеръ. Я упрашивалъ жену неѣздить по причинѣ дурной погоды, но она рѣшительно заупримилась и приказала запрягать лошадей. Видя, что увѣщанія мои были тщетны, я принужденъ былъ употребить власть и повелительнымъ тономъ приказалъ кучеру отнюдь не смѣть запрягать. Марья Петровна начала горько плакать, а теща въ гнѣвѣ разразилась бурнымъ потокомъ упрековъ, при чёмъ гнѣвѣ ея возрасталъ болѣе и болѣе, такъ что трудно было разобрать ея ломанный русскій языкъ, а слышно было шипѣніе подобное шипѣнію самовара. Наконецъ барыни успокоились, но огорченіе глубоко запало мнѣ въ сердце.

Эти сцены начали повторяться и всегда изъ пустяковъ. Въ такихъ случаяхъ слышно было самоварнообразное шипѣніе тещи и всхлипыванье жены; я же взялъ за правило хранить глубокое молчаніе, мѣрнымъ шагомъ ходить назадъ и впередъ по комнатѣ и на каждомъ поворотѣ, упираясь на правую ногу, тщательно обрисовывать носкомъ лѣвой полукругъ, чтѣ несказанно бѣсило тещу, отъ чего однако же она скорѣе умолкала. Тогда я обращался къ ней съ вопросомъ: все ли она выскажала? натурально, она снова приходила въ бѣшенство, но не на долго; усталость замыкала ей уста, а я надѣвалъ медленно перчатки, бралъ шляпу и, учтиво раскланявшись съ моими дамами, отправлялся къ пріятелямъ, гдѣ оставался иногда по нѣсколько дней, смотря по тому, какова была домашняя сцена.

Великимъ постомъ переехали мы на казенную квартиру въ

пѣвческій корпусъ. Вскорѣ послѣ того смоленское дворянство прислало мнѣ, чрезъ смоленскаго губернатора Н. И. Хмѣльницкаго, стихи съ просьбою написать на нихъ польскій съ хоромъ для бала, который смоленское дворянство предполагало дать по случаю проѣзда цесаревича *). За этотъ польскій, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Жуковскій принесъ женѣ моей подарокъ е. и. высочества государя Цесаревича въ 1500 р. асс. цѣною; это былъ перстень, состоявшій изъ рубина, украшенного алмазами. Великимъ постомъ того же 1837 г. исполнено было въ патріотическомъ концертѣ тріо изъ «Жизни за Царя»—«Не томи родимый» необыкновенно удачно. Пѣли его: княжна Лобанова, Андреевъ (который былъ превосходенъ) и Андрей Пашковъ. Государь, присутствовавшій на этомъ концерте, сказалъ, стоявшему возлѣ него А. Стунѣеву: «Глинка великий мастеръ; жаль, если при одной этой оперѣ останется».

Въ маѣ мы перѣехали на дачу Ланскихъ между Черной рѣчкой и Выборгской дорогой. Тамъ жили и Одоевскіе, которыхъ я часто навѣщалъ, и большею частію одинъ. Огорченіе отъ домашнихъ сценъ навело на меня горькія размышленія; не одинъ характеръ, но и недостатокъ воспитанія жены моей рѣшительно возставали противу семейственного счастія. Княгиня угадала все, хотя я тщательно хранилъ въ тайнѣ супружеские раздоры и всѣ другіе завидовали моему мнимому счастію.

Андрей Петровичъ Лоди, сынъ профессора, товарища отца Кукольника, возвратился изъ путешествія, предпринятаго имъ для усовершенствованія себя въ пѣніи. Его познакомили со мной, онъ пѣлъ и голосъ его былъ столь пріятель, что князь Одоевскій, услышавъ его издали, сказалъ: «какой прелестный голосъ, это была бы находка для театра» **).

Въ теченіи того мѣсяца я часто бывалъ въ городѣ и преимущественно у Кукольника ***). Несторъ издавалъ тогда Худо-

*) «Польскій этотъ утраченъ». Карандашомъ на полѣ копіи.

**) Зачеркнуто карандашомъ. Такъ думали и другіе. Впослѣдствіи Лоди опредѣлился въ театръ: онъ на сценѣ назвалъ себя Несторовымъ, по имени Нестора Кукольника (зачеркнуто чернилами), который болѣе другихъ убѣждалъ его поступить въ театръ. Съ боку на полѣ карандашомъ: «NB контрактъ словесный Лоди съ Плюшаромъ», и противъ зачеркнутаго: «по инаковому».

***) Зачеркнуто карандашомъ: казенную квартиру, отведенную мнѣ въ домѣ пѣвческой капеллы, устроили и я проживалъ у Кукольниковъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ тамъ было очень хорошо.

жественную газету; по этому случаю у него собирались много художниковъ и я былъ тамъ совершенно въ моей сферѣ. Мои занятія съ пѣвчими шли весьма успѣшно и я видѣлъ быстрые успѣхи учениковъ моихъ, которые уже начали разбирать ноты довольно свободно. Я этимъ не ограничился и желалъ испытать силы въ церковной музикѣ; написалъ Херувимскую C-dur, и принялъся за фугу съ текстомъ, но безъ успѣха.

Сблизился я также съ профессоромъ театрального училища Солива; для него приказалъ разучить двухъ-хорную фугу Сарти, которую произвели успѣшно. Хотя помощникъ учителя пѣнія, Дмитрій Никитичъ Палагинъ, бойко разумѣлъ свое дѣло, въ особенности отлично умѣлъ управляться съ малолѣтними, т.-е. дискантами и альтами, однако же изъ усердія къ службѣ я часто присутствовалъ при классахъ.

Въ концѣ лѣта Гедеоновъ, съ которымъ послѣ постановки моей оперы я болѣе и болѣе сблизился, попросилъ меня учить пѣнію въ театральной школѣ избранныхъ имъ четырехъ дѣвушекъ. Всѣ они были хорошенъкія, между ними была также известная въ то время красавица Степанова, игравшая роль Пеки въ Бронзовомъ конѣ. Но не она, а другая воспитанница, не столько красавая, мало-по-малу возбудила поэтическое чувство въ душѣ моей. Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, полуокетками, принадлежитъ, можетъ быть, къ самому лучшему въ моей жизни; ихъ рѣзвая болтовня, звонкій, искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому, несмотря на то, онѣ умѣли придавать особенную прелестъ, все это было для меня ново и увлекательно.

Одна изъ нихъ, вскорѣ, какъ я началъ уроки, являлась всегда причесанная и одѣтая лучше другихъ и при моемъ появлѣніи яркій румянецъ вспыхивалъ на ея свѣжихъ щекахъ; трудно было устоять или долго противиться невольному влеченію чувства.

Но на время я оставилъ милыхъ ученицъ моихъ и упомяну о приготовленіи Лоди къ сценѣ.

Кавосъ въ моемъ присутствіи слышалъ голосъ Андрея Петровича въ театрѣ и остался имъ доволенъ. Рѣшено было, чтобы онъ дебютировалъ въ «Нормѣ» въ роли Полліона; этотъ выборъ мнѣ не нравился, но дѣлать было нечего. Надобно было приучить Лоди умѣть носить римскую тогу, и мы выдумали замѣ-

нить таковую простины, въ которую облекали бѣднаго Андрея Петровича. Онъ съ неизреченою кротостю подчинялся замѣчаніямъ всей братіи нашей, которая не переставала въ теченіи цѣлаго дня теребить его во всѣ стороны.

Около того же времени по просьбѣ Петрова я принялъся за прибавочную сцену для жены его въ оперѣ: «Жизнь за Царя». Въ одномъ мѣстѣ *Adagio* я воспользовался дѣльнымъ замѣченіемъ Солива на счетъ движенія басовъ, а именно:

Слова этой прибавочной сцены написаны Н. Кукольниковъ въ самое короткое время. Петровъ увѣряетъ меня, что сцена эта была сочинена мною въ теченіи одного дня и что на другой день я навѣстилъ его утромъ съ партіей для жены его. Я иногда заходилъ къ Солива и намѣренъ былъ упражняться съ нимъ въ строгомъ штиль; но эти занятія остались безуспѣшны и, вслѣдствіе какихъ-то вздорныхъ сплетень, мы съ нимъ рѣшительно поссорились.

Бенефисъ Петрова назначенъ былъ 19 октября 1837 года. За нѣсколько времени передъ тѣмъ захворала Степанова, и съ разрѣшенія директора, роль Антониды отдана была Соловьевой, которая всегда отличалась разсѣянностью и беззатѣнностью. Я прилежно училъ ее, но мои заботы, вместо признательности, возбудили въ большей части лицъ, къ театру принадлежавшихъ, явное неудовольствіе и вотъ по какой причинѣ.... Она пѣла тогда хорошо, хотя впослѣдствіи Карлъ Брюловъ и назвалъ голосъ ея сквознымъ вѣтромъ и ей досадно было, что отдали ей роль соперницы, которая дѣйствительно пѣла нѣкоторымъ мѣста, хотя не такъ отчетливо, но съ большими увлечениемъ. Романсъ «не о томъ скорблю» повторяли къ досадѣ старика Кавоса. Иванъ же Кавоѣ совсѣмъ мнѣ заниматься съ Соловьевой не такъ усердно, но я, взявши разъ за дѣло, не хотѣлъ идти на попятный дворѣ. Дѣти Гедеонова обращались со мною холодно, а потомъ и поссори-

лись, несмотря на что, однако же, я продолжалъ бывать на сценѣ и учить въ школѣ.

Кромѣ прибавочной сцены, въ теченіи 1837 г. написалъ я два романса: Гдѣ наша роза и Ночной зефиръ, слова Пушкина и, помнится, на квартире Степанова у Измайловскаго моста, въ домѣ Гарновскаго.

Первую мысль о Русланѣ и Людмилѣ подалъ мнѣ нашъ извѣстный комикъ князь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. На одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей: «Русланъ и Людмила», сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренія.

Гайазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника, сообщилъ мнѣ три татарскіе напѣва; впослѣдствіи два изъ нихъ я употребилъ для лезгинки, а третій для Andante сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы «Русланъ и Людмила».

Дома мнѣ было не очень хорошо. Жена моя принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ наряды, балы, экипажи, юшади, ливреи и пр. были всѣ; музыку понимала она плохо, или лучше сказать, за исключеніемъ мелкихъ романсовъ, вовсе не разумѣла; все высокое и поэтическое также ей было недоступно. Вотъ обращеніе равнодушія Мары Петровны къ музыкѣ: когда я началъ писать «Жизнь за Царя» въ 1835 г., она жаловалась теткѣ моей (сестрѣ моего отца), Маріи Николаевнѣ Зелепугиной, что я трачу деньги на нотную бумагу. Иногда однажды приходили пріятели къ намъ обѣдать; въ числѣ ихъ не рѣдко былъ Петръ Степановъ. Вскорѣ послѣ первого представленія «Жизни за Царя», я познакомился съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Волконскимъ и охотно училъ гѣнію покровительствуемаго имъ пѣвца Остроумова, коего онъ назвалъ по своему имени, Михайловымъ. Во время урока, я помню, мы вмѣстѣ съ Михайловымъ замѣтили пожаръ дворца. Это было ночью и, когда весь дворецъ вспыхнулъ, то освѣтило мои комнаты такъ, что читать было можно.

У Кукольника въ эту же зиму завелись столь многочисленные ратуты, что часто приходили къ нему лица вовсе незна-

комъя. Курили такъ много, что на дымъ можно было топоръ повѣсить, какъ выразился Платонъ Кукольникъ. Ужинать оставались только наши самые искренніе пріятели, а, чтобы выпроваживать лишнихъ, употребляли мы живописца Якова Федосѣевича Яненку. Онъ съ нѣкоторыми другими, со шляпой въ рукѣ, громогласно прощался съ хозяевами и гостями, кои сѣдовали его примѣру, а черезъ полчаса возвращался къ ужину. Великимъ постомъ того же 1838 г. знаменитый скрипачъ Липинскій приѣхалъ въ Петербургъ. Въ концертахъ онъ мнѣ не понравился, но привель въ восторгъ сильной игрой въ квартетахъ Бетховена. У Кукольника игралъ онъ послѣдніе квартеты Бетховена удивительно хорошо; віолончель К не хѣтъ мастерски вѣль свою партію — можно было подумать, что они всю свою жизнь играли вмѣстѣ. Въ то же время были въ Петербургѣ скрипачи: Оле-Буль и Vieux temps.

Я отводилъ душу въ школѣ и на сценѣ. Иногда я игралъ и пѣлъ, тогда на лицѣ милой ученицы моей изображался не-поддѣльный восторгъ. Другія ученицы и воспитанницы жадно слушали меня, даже малолѣтнія дѣвочки высypали къ дверямъ и, не переводя дыханія, слушали мое пѣніе. Эти милыя малютки, когда я приходилъ въ школу, одна за другою забѣгали впередъ, дѣлали мнѣ книксень и съ милою улыбкою говорили мнѣ: здравствуйте, мосьѣ Глинка.

Ученица моя съ другими воспитанницами участвовала иногда и въ спектакляхъ для украшенія ихъ, какъ говорилъ директоръ. Мнѣ памятнѣе всѣхъ другихъ пьесъ балетъ Возстаніе въ Сералѣ. Ученица моя была очень мила въ воинскомъ нарядѣ.

Въ 1838 г. на масляной недѣлѣ, по недоразумѣнію, я поссорился съ Гедеоновымъ и прекратилъ уроки въ школѣ. Тогда же для милой ученицы моей написалъ романсь: Сомнѣніе для контрапто, арфы и скрипки; слова Н. Кукольника.

Въ концѣ апрѣля 1838 г. я былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, въ Малороссію для набора пѣвчихъ. Заѣхавъ въ Смоленскую губернію на самое короткое время, я встрѣтился тамъ Римского-Корсака; онъ по моей просьбѣ написалъ мнѣ романсь: Всегда, вездѣ со мною ты спутницей моей незримой. Этотъ романсь написалъ я 20 или 21 мая того же 1838 г. въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и послалъ его въ письмѣ

къ Н. Кукольнику для доставленія бывшей ученицѣ моей, о которой сохранилось еще живое воспоминаніе. Къ этой музикѣ подобраны впослѣдствіи слова Пушкина: Въ крови горитъ.

Кстати о путешествіи: мнѣ дали казенные экипажи и про-
гонные деньги, равно какъ и сумму на другіе расходы. Въ по-
мощники мнѣ назначили помощника учителя гінія Дмитрія Ни-
китича Палагина, пѣвчаго Наевана Никифоровича Шеинова
и дядьку г. Саранчина; при мнѣ былъ Яковъ въ качествѣ ка-
мердинера.

Въ Черниговѣ нашли мы нѣсколько хорошихъ голосовъ; вы-
бирали мы ихъ чрезвычайно тщательно. Приходили въ классы
семинаріи, гдѣ учились дѣти того возраста, который намъ былъ
нуженъ; сначала выбирали тѣхъ, которые имѣли музикальный
слухъ и голосъ, потомъ лучшихъ изъ нихъ, такъ что изъ 40
мальчиковъ отобрали до 8 и этихъ брали къ себѣ на квартиру,
поили чаю и обращались съ ними, какъ можно ласковѣе;
неоднократно пробовали ихъ слухъ и голоса, заставляя ихъ слѣ-
дить за скрипкой Дмитрія Никитича. Нѣкоторые мальчики были
одарены столь тонкимъ слухомъ, что слѣдили непринужденно
за всевозможными интервалами даже за музикальной чепухой,
которую изощрялся производить Палагинъ, чтобы сбить ихъ.

Центромъ своихъ операций я избралъ помѣстье доброго моего
знакомаго, помѣщика Черниговской губерніи, Борзенскаго по-
вѣта, Григорія Степановича Тарновскаго, куда мы съ набран-
ными въ Черниговѣ дѣтьми отправились. Сѣхавъ съ большой
дороги въ мѣстечкѣ Монастырищѣ, мы съ трудомъ, въ тече-
ніи почти цѣлаго майскаго дня, перебрались на волахъ по раз-
метанной рѣчкою греблѣ; переночевавъ въ Ичени, къ обѣду,
на другой день, былъ въ помѣстїи Тарновскаго—Каченовкѣ.

Хозяина съ семействомъ не было дома, онъ былъ у одного
изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Первое впечатлѣніе было въ пользу
владѣльца; подъѣзжали къ помѣстью съ нѣсколькихъ сторонъ по
стройнымъ аллеямъ изъ пирамидальныхъ тополей; домъ большой,
каменный, стоялъ на возвышеніи; огромный, прелестно раски-
нувшійся садъ съ прудами и вѣковыми кленами, дубами и ясе-
нями величественно ласкалъ зѣніе.

Но, осмотрясь, удивленіе уменьшалось: домъ былъ какъ будто
не оконченъ, дорожки въ саду не додѣланы; былъ у владѣльца

и оркестръ, не дурной оркестръ, но не полный, и духовые инструменты не всѣ исправны. Даже управляющій оркестромъ первый скрипачъ, Михайло Калинычъ, былъ нѣсколько тугъ на ухо. За обѣдомъ подавали нѣсколько блюдъ, но поваръ вѣроятно былъ не доученъ. Однимъ словомъ, все обличало излишнюю расчетливость бездѣтнаго хозяина, владѣвшаго 9,000 душъ и большими капиталами. Хозяинъ, возвратившись, принялъ насть радушно и отвелъ мнѣ съ помощниками пристанище въ оранжерѣй, которая примыкала къ дому. По его же совѣту, отдохнувъ нѣсколько, мы рѣшилисьѣхать въ Переяславль, гдѣ находился хоръ пѣвчихъ полтавскаго архиерей Гедеона, и рассчитали такъ, чтобы послѣть къ обѣднѣ въ воскресенье. Однако же ошиблись въ расчетѣ и приѣхали въ Переяславль въ субботу вечеромъ. Тамошній городничій, ожидавшій чиновника по слѣдственному дѣлу, неоднократно пытался добиться до меня и старался узнать, кто я и зачѣмъ посланъ; но не успѣлъ въ свое мѣнѣрамъ; Яковъ, по моему приказанию, отвѣчалъ только: «не смѣю беспокоить ихъ высокоблагородія». На другой день Палагинъ и Шениновъ пошли къ обѣднѣ, назвались купцами (охотниками церковнаго пѣнія), замѣтили лучшихъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, узнали и записали имена ихъ и даже присутствовали на завтракѣ у архиеря и еще слышали его пѣвчихъ. Я же, вставши попозже, остался дома и началъ пить чай; тогда позволилъ допустить къ себѣ переяславскаго городничаго. Онъ началъ рекомендоваться съ комически-жалкою миною, низко кланяясь и ни за что не хотѣлъ сѣсть, хотя я очень о томъ упрашивалъ.

Когда я разсчелъ, что прошло достаточно времени и что уже помощники мои могли успѣть въ свое мѣнѣрамъ, я спросилъ у моего гостя, за кого онъ меня принимаетъ и видя, что онъ еще болѣе приходилъ въ замѣшательство, объявилъ ему наконецъ, кто я и за чѣмъ приѣхалъ. Радость выразилась на его лицѣ; онъ сѣлъ и, принявши за чай, увѣрялъ меня, что онъ готовъ содѣйствовать мнѣ, что онъ во враждѣ съ Гедеономъ и пр.; я поблагодарилъ его, объяви, что вѣроятно уже дѣло сдѣлано.

И дѣйствительно, мы такъ безжалостно обобрали хоръ, что Гедеонъ долго послѣ того на меня жаловался своимъ знакомымъ. Оставя набранныхъ пѣвчихъ, мы отправились въ Киевъ, откуда вывезли Гуляка-Артемовскаго; онъ былъ очень любимъ товари-

щами; когда онъ выѣзжалъ изъ Кієва, они провожали его съ плачомъ.

Забравъ въ Переяславль оставленныхъ пѣвчихъ, возвратились мы въ Каченовку. Всѣ набранные мальчики находились подъ присмотромъ дядьки Саранчина, упражнялись въ пѣніи съ помощникомъ учителя пѣнія Палагинимъ, пѣли также съ хоромъ Тарновскаго и ходили къ обѣднѣ, гдѣ также съ другими пѣли. Мы потомъ єздили для набора пѣвчихъ въ Полтаву, Харьковъ и Ахтырку и привезли нѣсколькоихъ малютокъ.

Хотя было всѣхъ набранныхъ нами 19 мальчиковъ и 2 большихъ (кромѣ Гулака, который не все время былъ въ Каченовкѣ, а єздилъ къ брату, съ которымъ и приѣхалъ осенью въ Петербургъ), несмотря на то, хозяинъ былъ искренно радъ и, окончивъ наборъ, мы прогостили у него долго. Онъ былъ очень самолюбивъ и мысль, что придворные пѣвчіе поютъ съ его хоромъ въ его церкви видимо его радовала.

Нѣсколько словъ о жизни моей въ Каченовкѣ: Григорію Степановичу Тарновскому было лѣтъ подъ 50; онъ былъ смуглъ и сухъ, числился гдѣ-то на службѣ и состоялъ въ званіи камеръ-юнкера. Анна Дмитріевна, жена его, была женщина приземистая и весьма толстая, очень молчаливая; любила, чтобъ дѣвки растирали ей ноги. Въ домѣ жили и воспитывались племянницы хозяевъ, болѣшею частію молодыя, добрыя и привѣтливые дѣвушки, при нихъ гувернантка, весьма милая особа; у домашняго доктора также была миловидная дочка. Изъ племянницъ, самая меньшая, лѣтъ 14, Марья Степановна Задорожная, была очень миловидна; за обѣдомъ она обыкновенно сидѣла напротивъ меня и невольно ея плутовскіе, нѣсколько прищуренные глазки, встрѣчались съ моими глазами, за что ей нерѣдко доставалось отъ ея тетушки.

Во все продолженіе пребыванія моего въ Малороссіи гостили въ Каченовкѣ талантливый нашъ художникъ, очень пріятный молодой человѣкъ Штернбергъ.

Несмотря на разсчетливость, хозяинъ принималъ гостей радушно, старался по возможности разнообразить удовольствія.

Прогулки, поїздки въ близылежащія помѣстья хозяина, иллюминаціи и танцы, всѣ эти средства были употребляемы для нашего развлеченія. Когда приѣзжало нѣсколько сосѣдей, танцева-

ли, самъ Тарновскій поощрялъ гостей собственнымъ примѣромъ, въ особенности въ грессъ-фатерѣ, котораго фигуры онъ выдѣльвалъ съ необыкновеннымъ усердиемъ. Пѣли иногда малороссійскія пѣсни, хоромъ на 4 голоса, а иногда сосѣдь Тарновскаго, Петръ Скоропадскій, затягивалъ какую-нибудь чумацкую пѣсню, искусно подражая простолюдинамъ. Онъ былъ пріятельский человѣкъ, и хотя хозяинъ напѣвъ называлъ его простымъ казакомъ, вѣроятно потому, что П. Скоропадскій дѣйствительно въ одеждахъ и приемахъ подражалъ простымъ казакамъ и не искалъ особенной дружбы съ Тарновскимъ, однако же въ самомъ дѣлѣ онъ воспитанъ былъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, былъ очень образованъ и доступенъ искусствамъ, разумѣлъ архитектуру, игралъ порядочно на klarнетѣ и чувствомъ понималъ хорошую музыку.

Въ портфѣлѣ моемъ нашлись два №, приготовленные (не знаю когда, для «Руслана»: Персидскій хоръ: Ложится въ полѣ мракъ ночной и маршъ Черномора; обѣ эти пьесы слышалъ я въ первый разъ въ Каченовкѣ; онъ были хорошо исполнены; въ маршѣ Черномора колокольчики замѣнили мы рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Дмитрій Никитичъ Палагинъ.

Играли и очень не дурно антракты «Эг蒙та» Бетховена, № Clärchens Tod произвѣлъ на меня глубокое впечатлѣніе; въ концѣ я схватилъ себя за руку: мнѣ показалось отъ перемежки движенія волторнь, что и у меня остановились пульсы.

Для Гулака-Артемовскаго я положилъ на оркестръ алегію «Шуми, шуми», музыка Геништы. Гулакъ пѣлъ ее хорошо; но выговоръ его былъ несказанно жестокъ.

Сосѣдь Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Марковичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и поддѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы.

Мнѣ очень памятно время, когда писалъ я балладу Финна: было тепло, собирались виѣстѣ я, Штернбергъ и Марковичъ. Покамѣсть я уписывалъ приготовленные уже стихи, Марковичъ грызъ перо (не легко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ усердно и весело

работать своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пѣлъ съ оркестромъ.

Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостилъ въ Каченовкѣ; двѣ его малороссійскія пѣсни: Гуде витеръ и Не щебечи соловейко, я положилъ тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ представлять въ лицахъ; въ особенности хорошо представлялъ слѣпцовъ. Первый скрипачъ Калиничъ однажды былъ приведенъ отъ такового представления въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: «Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ». Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломаннымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно акуратенъ и все наши удовольствія и сюрпризы непремѣнно оканчивались до полуночи и ранѣе, при чемъ хозяинъ вѣжливо раскланивался и гости расходились.

Но не всѣ предавались сну; у меня въ оранжерѣ собирались Марковичъ, П. Скоропадскій, Забѣлла и Штернбергъ. Появлялся Палагинъ со скрипкой, Яковъ съ контрабасомъ и віолончелистъ; играли русскія и малороссійскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, въ нѣкоторой досадѣ акуратнаго хозяина.

Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу *).

Въ память нашего житья въ Каченовкѣ онъ сдѣлалъ мнѣ масляными красками эскизы сцены, нерѣдко забавлявшей насъ: двумъ мальчикамъ изъ дворовыхъ хозяина завязывали глаза и привязывали каждого порознь веревочкой къ вбитому въ землю колышку, такъ что они могли ходить на нѣкоторое разстояніе независимо одинъ отъ другого. Одному давали въ руки двѣ палочки, одну нарѣзанную такъ, что посредствомъ тренія одной обѣ другую производили звукъ, подобный трещоткѣ, другой же, вооруженный жгутомъ, по слуху долженъ былъ настигать своего противника и подчивать его ударомъ жгута; это, натурально, производило столь забавныя положенія, что не только набранные малолѣтніе пѣвчіе, но и взрослые люди усердно смеялись. На картинѣ

*) Этотъ портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащемъ нынѣ И. П. Библиотекѣ.
Ред.

Штернберга (мне имъ самимъ подаренной, я обѣщалъ дать эту картину талантливому нашему актеру В. В. Самойлову, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она была отдана въ императорскую академію художествъ съ приличною надписью, напечатанною уже въ 1839 г. *) съ лѣвой стороны портреты Калиныча, регента и одного изъ скрипачей Тарновскаго; некоторые изъ пѣвчихъ и дядька нѣсколько также похожи.

Я приказалъ сдѣлать для набранныхъ пѣвчихъ приличную одежду и строить телѣги крытые. Самъ жеѣздилъ на ярмарку въ Ромны, гдѣ едва не утонулъ въ грязи; съ трудомъ вытащили меня изъ грязной густой рѣки, образовавшейся на главной улицѣ города, четыре сильныхъ лошади Тарновскаго. Передъ отѣзломъ, въ большой компаніи навѣстилъ пріятеля Корбе, Марковича и уѣхавъ изъ Каченовки, прогостили у Петра Скоропадскаго въ Григоровкѣ, гдѣ шло мнѣ разнообразное угощеніе. Тарновскій съ племянницами, рас простившись со мною въ Каченовкѣ, ловко объѣхалъ и въ нѣсколькихъ верстахъ я опять нашелъ его съ племянницами въ рощѣ изъ огромныхъ вѣковыхъ дубовъ, гдѣ выпили прощальный бокаль шампанскаго. Въ Григоровкѣ Петръ Скоропадскій угостили насъ такъ радушно, что когда мы уѣхали, не осталось ни капли питей и ни одной домашней птицы.

Въ Орѣ угощалъ меня съ особеннымъ радушіемъ тамошній вице-губернаторъ Семеновъ. Тамъ былъ также известный генералъ Красовскій, онъ полюбилъ меня и снабдилъ превосходнымъ виномъ изъ своего погреба, которымъ я продовольствовался до самой Москвы.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я засталъ матушку, которая оставалась не долго. Не помню хорошенъко, возобновлялись ли домашнія сцены, знаю только, что требованія жены довели меня до необходимости издать собраніе музыкальныхъ пьесъ. Собирать эти пьесы мнѣ было не только трудно, но и крайне досадно: на готовой квартирѣ съ дровами, имѣя собственныхъ лошадей, я получалъ отъ матушки до 7.000 р. асс., сверхъ того по своему мѣсту 2500 р. асс.; съ приобрѣтаемымъ мною сверхъ того моими сочиненіями, можно бы при благора-

*) Въ копіи рукою Глинки прибавлено карандашомъ: «пршу не забыть сего».

зумѣй жить оправдано. Я всѣ деньги отдавалъ женѣ, оставляя себѣ самую ничтожную сумму на непредвидѣнныя мелкія расходы, и хотя четверка красивыхъ коней съ каретой стояла въ сараѣ и конюшнѣ, ими изрѣдка щеголяла Марья Петровна, а я тащился пѣшкомъ или на дрянномъ извозчикѣ.

Набранные мною пѣвчіе переболѣли глазами во время обратнаго пути; когда они оправились и ихъ прилично обмундировали, я имѣлъ счастіе представить ихъ государю императору. Это представленіе было въ знаменной залѣ, возлѣ кабинета его величества. Я расположилъ пѣвчихъ полукругомъ, самъ же я стоялъ по срединѣ въ мундирѣ, со шагой и трехъугольной шляпой въ лѣвой руцѣ и камертономъ въ правой (такъ угодно было А. Ф. Львову, который тутъ же присутствовалъ). Императоръ явился въ старомъ военномъ сюртуку, безъ эполетъ, въ сопровожденіи ministра двора. Государь съ веселымъ лицомъ обратился ко мнѣ, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Ахъ, какіе молодцы! Гдѣ ты ихъ подобралъ себѣ подъ ростъ *?» потомъ спросилъ, что я держу въ рукѣ? Я объяснилъ, что такое камертонъ и его назначеніе. На вопросъ его имп. величества что пѣвчіе знаютъ? я смѣло отвѣчалъ (ибо Д. Н. Палагинъ отлично подтянулъ ихъ), что они знать все требуемое по службѣ.

Мы знали по прежнимъ примѣрамъ, какъ государь экзаменуетъ вновь набранныхъ пѣвчихъ и тщательно ихъ приготовили къ экзамену. Дѣйствительно, императоръ началъ съ Спаси Господи люди твоя, и его величество не успѣлъ задать тонъ, какъ 19 мальчиковъ и два баса дружно подхватили и отлично исполнили этотъ кантъ (?). Государь былъ видимо доволенъ, заставилъ ихъ еще пропѣть, что такое? не помню. Въ знакъ удовольствія, его величество поклонился мнѣ весело-шутливо до пояса, отпуская меня.

Этимъ не ограничилось изъявленіе монаршаго благоволенія ко мнѣ. Однажды, увидѣвъ меня на сценѣ, государь подошелъ ко мнѣ и обнявъ меня правою рукой, прошелъ, разговаривая со мною, нѣсколько разъ по сценѣ большого театра въ присутствіи многихъ, находившихся тогда на сценѣ, и, между прочими, ministra двора, который мнѣ въ поясъ поклонился.

* М. И. Гинка бытъ невысокаго роста.

6-го ноября того же 1838 г., я въ первый разъ присутствовалъ въ церкви Аничкинского дворца на бракосочетаніи Алексея Федоровича Львова.

Послѣ этого я почти постоянно присутствовалъ на литургіи въ церкви Аничкинского дворца и потомъ въ Зимнемъ дворцѣ, на большихъ и малыхъ выходахъ.

Иногда приглашали меня на вечера къ ея и. в. государынѣ императрицѣ, гдѣ ея величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила бывало фрейлинѣ Бартеневой, говоря обо мнѣ: «*Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose.*»

Когда всѣ шьесы, какъ мои, такъ и другихъ композиторовъ были уже собраны, встрѣтилось новое неожиданное затрудненіе: ни одинъ изъ музыкальныхъ издателей не рѣшался купить это собраніе; я плакать отъ досады и Платонъ Кукольникъ, скалившись надо мною, уладилъ съ Петромъ Ивановичемъ Гурскалинымъ, державшимъ магазинъ подъ фирмою Одеонъ, изданіе этого собранія за 1,000 р. асс.

Около того же времени я получилъ въ награжденіе за наборъ пѣвчихъ 1,500 р. асс.

Это приобрѣтеніе успокоило на время моихъ домашнихъ; но вмѣсто того, чтобы употребить эту сумму на устройство домашнаго быта, завелись обѣды и рауты. На этихъ послѣднихъ, бывшихъ разъ въ недѣлю (не помню, въ какой именно день) собирались по вечерамъ, кромѣ пріятелей, пріятельницъ жены и родныхъ, артисты и литераторы, въ главѣ которыхъ были Брюловъ и Н. Кукольникъ; Михайловъ и Артемовскій, какъ ученики мои, непремѣнно присутствовали на нашихъ вечерахъ. Первое время по приѣзду изъ Малороссіи, Артемовскій жилъ у меня и не легко мнѣ было управляться съ его крутымъ нравомъ.

Угощеніе состояло изъ чаю съ сухариками, крендельками и пр. и десерта; въ карты не играли и не танцевали; бесѣды и музыка, часто пѣніе въ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ (*morceaux d'ensemble*) составляли главное препровожденіе времени на нашихъ раутахъ.

Изъ барынь бывали: графиня Екатерина Михайловна Салтыкова (сосѣдка наша по имѣнію) изрѣдка; чаще бывала Елена Александровна Глинкина съ пріятельницей своею Крѣкшиной; миловидная 14-лѣтняя дѣвушка Надежда Андреевна Содольская

(состоявшая въ свойствѣ съ Софьей Петровной Стунѣвой) была у насть домашнею; она очень недурно уже играла на фортепиано; впослѣдствіи она вышла замужъ за Г. Е. Ломакина.

Кромѣ того, иногда на вечерахъ и въ другіе дни посѣщали насть, и меня въ особенности, Штеричи, родные племянницы умершаго моего друга Е. П. Штерича. Меньшая изъ нихъ, Поликсена, училась у меня пѣть, а старшая, княгиня Марья Алексѣвна Щербатова, молодая вдова, хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина. Онѣ жили съ бабкой своей Серафимой Ивановной, женщиной еще не старой, но совершенно посѣдѣвшей отъ смерти обожаемаго сына. Я былъ у нихъ какъ домашній, не рѣдко обѣдалъ и проводилъ часть вечера (*l'avant soiree*). Иногда получалъ отъ молодой княгини-вдовы маленькия записочки, гдѣ меня приглашали обѣдать съ обѣданіемъ мнѣ порціи луны и шубки. Это значило, что въ гостиной княгини зажигали круглую люстру изъ матового стекла и она уступала мнѣ свой легкій соболій полушубокъ, въ которомъ мнѣ было тепло и привольно. Она располагалась на софѣ, я на креслахъ возлѣ нея; и иногда бесѣды, иногда приятное, безотчетное мечтаніе доставляли мнѣ приятныя минуты: мысль объ умершемъ моемъ другѣ достаточна была, чтобы удержать мое сердце въ предѣлахъ поэтической дружбы. Бывали мы также у графини и графа Салтыковыхъ, гдѣ насть принимали чрезвычайно радушно и ласково. У нихъ я сблизился еще болѣе съ генераломъ Леонтиемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, съ которымъ познакомился еще прежде въ ложѣ директора, въ большомъ театрѣ.

Въ 1838 г. Дмитрій Стунѣвъ былъ назначенъ управляющимъ экономическою частью въ Смольномъ монастырѣ; поэтому случало онѣ съ сестрою Марьей Ивановной и двумя дѣтками перѣѣхалъ въ Петербургъ и поселился на казенной квартирѣ въ Смольномъ монастырѣ *).

Сначала я видался съ сестрою и зятемъ рѣдко: женѣ и тещѣ удалось меня съ ними поссорить, однакоже впослѣдствіи Алексѣй Стунѣвъ уговорилъ меняѣхать къ брату своему Дмитрію Стунѣву.

*.) На ногѣ карандашомъ: «Передѣлать съ исключ. (еніемъ)?»

Зимою въ 1838 году на 1839 г. я довольно часто посѣщалъ ихъ. Они жили очень весело; иногда по вечерамъ инспектиressы брали съ собой нѣсколько воспитанницъ, приходило нѣсколько классныхъ дамъ, Стунѣева, я, Степановъ и нѣсколько другихъ приятелей рады были и поплясать съ хорошенъкими и миленькими дѣвушками. Оркестръ, хотя не отличный, былъ всегда въ распоряженіи Д. Стунѣева, а сытный ужинъ съ приличными винами являлся всегда кстати для довершения вечера.

Я и теперь еще ясно помню, какъ я охотно оть души тѣвалъ на этихъ вечерахъ, какъ я усердно отличался въ контрадансахъ и вальсахъ, какъ, однимъ словомъ, оть искренняго сердца веселился.

Не столь ясны мои воспоминанія о томъ, какъ писалъ оперу «Русланъ и Людмила».

Кромѣ пьесъ произведенныхъ въ Каченовкѣ, а именно: Персидскаго хора, Марша Черномора и баллады Финна, принялъ я за каватину Гориславы: Любви роскошная звѣзда; это было зимою около 1838 или 1839 года. Я всегда писалъ только утромъ послѣ чаю, и оть этой каватины меня безпрестанно отрывали: не успѣвалъ я написать страницы или двухъ страницъ, какъ являлся дядька унтеръ-офицеръ, руки по швамъ, и почтительно докладывалъ: «ваше благородие! г҃ввчіе собрались и вѣстъ ожидаютъ». Кто ожидалъ? Кто посыпалъ дядьку? до сихъ поръ не знаю, знаю только, что иногда, пришедши въ репетиціонную залу, заставалъ я уже тамъ и Львова, который дружески протягивалъ мнѣ руку.

Не помню также, когда и гдѣ написана мною каватина Людмилы 1-го акта, «Грустно мнѣ родитель дорогой» (G-dur). Ее исполнила Бартенева съ хоромъ и оркестромъ въ патріотическомъ концертѣ весною 1839 г. Я ожидалъ большого успѣха, но аплодировали не такъ дружно, какъ я привыкъ; знаменитый скрипачъ Липинскій, стоявшій возлѣ меня, слушая эту каватину съ неподдѣльнымъ участіемъ и въ концѣ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ: que c'est bien russe, cette musique-là! Кромѣ этихъ пяти пьесъ, въ то же время были записаны темы съ соображеніями контрапунктическими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольниковъ; она теперь находится у П. Степанова.

Я писалъ оперу по кусочкамъ и ўрывками: мысль обѣ этомъ

сюжетъ, какъ скавано прежде, подалъ мнѣ кн. Шаховской; я надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; преждевремен-
ная кончина его предупредила исполненіе моего намѣренія.

Въ 1837 или 1838 г., зимою я игралъ съ жаромъ нѣкото-
рые отрывки Руслана. Н. Кукольникъ, всегда принимавшій уча-
стіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе.
Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтурина; онъ взялся
сдѣлать планъ оперы и написалъ его въ четверть часа подъ
пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану.

Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! какъ это случилось? самъ не
понимаю.

Около того же времени познакомили меня съ капитаномъ
свитскими Валеріаномъ Федоровичемъ Ширковымъ, какъ съ че-
ловѣкомъ вполнѣ способнымъ написать либретто для новой моей
оперы. Дѣйствительно, онъ былъ весьма образованный и талант-
ливый человѣкъ: прекрасно рисовалъ и писалъ стихи очень
свободно. По моей просьбѣ онъ написалъ для пробы каватину
Гориславы: Любви роскошная звѣзда, и часть первого акта.
Опытъ оказался очень удовлетворительнымъ, но вмѣсто того,
чтобы сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ
пьесы, я сейчасъ принялъся за каватины Людмилы и Гориславы,
вовсе не заботясь о драматическомъ движениіи и ходѣ пьесы,
полагая, что это можно было уладить впослѣдствії.

На третій день Пасхи я навѣстилъ Одоевскаго, откуда от-
правился къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ Стунѣвой. Подъѣзжая къ
ней, я внезапно почувствовалъ сильное нервное раздраженіе,
такъ что не могъ оставаться спокойнымъ, и приѣхавъ къ сестрѣ,
ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Тамъ увидѣлъ я въ пер-
вый разъ Е. К....*); она была не хороша, даже нѣчто стра-
дальческое выражалось на ея блѣдномъ лицѣ; ходя взадъ и впе-
редъ, мой взоръ невольно остановился на ней; ея ясные, выра-
зительные глаза, необыкновенно стройный станъ (*élançé*) и осо-
бенного рода прелесть и достоинство, разлитыя во всей ея особѣ,
все болѣе и болѣе меня привлекали. Оправившись нѣсколько послѣ
сытнаго обѣда и подкрепивъ себя добрымъ бокаломъ шампан-
скаго, я наполъ способъ побесѣдоватъ съ этой милой дѣвицей

*) Такъ обозначена эта личность въ оригиналѣ записокъ Глинки. Ред.

и, какъ теперь помню, чрезвычайно ловко высказалъ тогданил мои чувства.

Первное раздраженіе, однакожъ, несмотря на всѣ мои уси-
лія побороть его, усиливалось болѣе и болѣе; желая какъ
можно скорѣе освободиться отъ него, я вздумалъ себѣ же на
бѣду прибѣгнуть къ камфарному спирту, чтѣ раздражало нервы
мои жесточайшимъ образомъ и я лишился сна, аппетита и
стональ отъ мучительныхъ ощущеній.

Наконецъ кн. Михаилъ Дмитр. Волконскій привезъ ко мнѣ
доктора Шеринга, который гомеопатическимъ употребленіемъ
сѣры и золота въ двѣ недѣли меня поправилъ.

Во время болѣзни Львовъ былъ у меня и читалъ мнѣ на-
ставление о томъ, что я не радью о службѣ, въ выраженіяхъ
самыхъ вѣроятныхъ, даже дружескихъ; я молчалъ, но по выздоров-
леніи началъ посѣщать пѣвчихъ рѣже прежняго.

Весною мы съ кн. Мих. Волконскимъ устроили концертъ для
Артемовскаго. Въ немъ участвовали Билибина, двѣ княжны Ло-
бановы, Андреевъ, для втораго я оркестровалъ арию изъ Guido
и Genéviève Галеви, пѣла также жена моя дуэтъ изъ «Жизни
за Царя» съ Артемовскимъ. Играли на скрипкѣ Бахметьевъ пьесы
своего сочиненія. Концертъ этотъ былъ въ залѣ князя Юсупова,
оркестръ былъ по возможности пополненъ. На собранныя въ
этомъ концерте деньги Артемовскій отправился лѣтомъ того же
1839 г. заграницу.

Въ концѣ мая мы перѣехали на дачу, у хѣсного института.
Я бывалъ тамъ не часто, подъ предлогомъ занятій по службѣ;
въ городѣ пристанище мое было у Кукольниковъ въ домѣ Мерца,
въ Фонарномъ переулкѣ, откуда я часто навѣщала сестру въ
Смольномъ.

Чтобы скрыть настоящую причину частыхъ моихъ посѣще-
ній, предлогомъ послужили мнѣ занятія мои съ оркестромъ, при-
надлежавшемъ заведенію. Онъ состоялъ изъ двухъ плохихъ 1-хъ
скрипокъ, одной второй, одного альта (не помню, былъ ли віолон-
чель), контрабаса, флейты, klarнета, волторны, тромбона и ту-
рецкаго барабана; когда они играли, сѣдой чиновникъ, по имени
Меньшиковъ, съ крестомъ въ петлицѣ, усердно давалъ тактъ, по-
стоянно махая сверткомъ бумаги.

Хотя оркестръ былъ очень плохъ, я привелъ его въ поря-

девъ. Сначала переложилъ для него вальсъ Лабицкаго G-dur и, сообразяясь съ средствами музыкантовъ, написалъ другой вальсъ G-dur, кототорый впослѣдствіи посвященъ былъ е. и. в. великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Вскорѣ чувства мои были вполнѣ раздѣлены милую Е. К., и свиданія съ нею становились отраднѣе. Напротивъ того, съ жеюю отношенія мои становились хуже и хуже. Она рѣдко бывала у сестры въ Смольномъ. Приѣхавъ къ ней однажды, жена моя, не помню по какому поводу, въ присутствіи Е. К. и Екатерины Степановны (дочери няни моей И. Ф. Мѣшковой бывшей у сестры нянью при дѣтяхъ) съ пренебреженіемъ сказала мнѣ: «Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ напримѣръ Пушкинъ, котораго убили на дуели!» Я тутъ же отвѣчалъ ей рѣшительнымъ тономъ, «что хотя я не думаю быть умнѣе Пушкина, но изъ-за жены себя подъ пулю не подставлю». Она отвернулась отъ меня, сдѣлавъ мнѣ гримасу.

Лѣтомъ пала одна лошадь изъ нашей четверки. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы держать только пару лошадей. Когда я объявилъ объ этомъ женѣ, она вышла изъ себя и, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, подбоченясь и притопнувъ ногой, сказала надменнымъ тономъ: «Развѣ я купчиха, чтобы Ѣздить на парѣ? Если вы меня не любите, то я васъ оставлю». Два раза дѣлала она мнѣ подобныя угрозы и два раза я кротко отвѣчалъ ей: «Марья Петровна, не повторяйте словъ вашихъ. — Вы меня оставите, дѣло для меня обойдется, а ежели бы я васъ оставилъ, то бы не совсѣмъ ловко вамъ было *). . . .

Я не часто бывалъ у Мары Петровны на дачѣ. Все въ жизни контрапунктъ, т.-е. противуположность. Я самъ вижу, что выхожу изъ предѣловъ безстрастнаго лѣтописца. Винюсь, но измѣнить теперешняго способа писать я не въ силахъ.

Мнѣ гадко было у себя дома; за то сколько жизни и наслажденій съ другой стороны: пламенные, поэтическія чувства къ Е. К. . . , которая она вполнѣ понимала и раздѣляла; широкое приволье между доброй, милой и талантливой братіей; такъ называли мы общество, образовавшееся еще въ 1835 или

*.) Противъ этого места, на полѣ оригинала, карандашемъ написано: „Багъ на водахъ“. Здѣсь мы дѣлаемъ небольшой пропускъ. Ред.

1836 г. у Кукольника и слившееся потомъ въ одну искреннюю, добрую семью. Платонъ Кукольникъ былъ хозяиномъ. Онъ приказалъ уничтожить часть стѣны, отдѣлявшей темную комнату отъ одной изъ угольныхъ въ домѣ Мерца въ Фонарномъ переулкѣ. Изъ этой комнаты образовалась алькова, въ которой устроили широкій диванъ изъ kleenки и продолжили его вдоль по одной изъ стѣнъ, прилегавшей свѣтлой комнаты. Платонъ, какъ хозяинъ, жилъ въ особенной комнатѣ. Мы же всѣ, т.-е. Несторъ Кукольникъ, я, рыцарь Коко (Ник. О. Немировичъ-Данченко; родственникъ Кукольниковъ) и рыцарь Бобо (Владимиръ Ив. Богаевъ, усердный чиновникъ) помѣщались на диванѣ; у каждого изъ насъ было свое мѣсто, и оставалось еще гдѣ дать пристанище тѣмъ изъ пріятелей, которые, запоздавъ, желали ночевать у насъ. К. Брюловъ и Янненко болѣе другихъ пользовались этимъ приглашеніемъ; кромѣ нихъ посѣщали насъ часто Гейденрейхъ, Лоди и др. По утрамъ насъ поили чаемъ всѣхъ, послѣ чего остатокъ дня каждый продовольствовался своими средствами; я часто бывалъ у сестры Мары Ивановны. Вечеромъ мы сходились; тутъ шли разсказы. Иногда ужинали и тогда это былъ праздникъ не отъ яствъ и вина (намъ не на что было лакомиться), но отъ разнообразной оживленной бесѣды. Большая часть нашей братіи были люди специальные; приходили и постороннія лица, но всегда народъ дѣльный, или Петровъ съ могучимъ своимъ басомъ, или Петръ Карагатыгинъ съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ собственного издѣлія, или кто-либо изъ литераторовъ, и разговоръ оживлялся, переходилъ съ предмета на предметъ и время быстро и пріятно улетало.

Иногда мы пѣвали, въ такомъ случаѣ тѣ, которые менѣе другихъ принимали участіе въ бесѣдахъ, выступали на первый планъ, а именно Янненко, Данченко (Коко); Янненко чрезвычайно искусно подражалъ *pizzicato* не только басовымъ, но и скрипичнымъ; для большаго эффекта онъ обыкновенно подкрадывался къ кому-нибудь изъ ново-приходившихъ лицъ и когда приходила его очередь и *solo dei pizzicati*, онъ вдругъ пронизывалъ гостя пицкатами такъ ловко, что казалось, что онъ дѣйствительно становился контрабасомъ. Не одно изумленіе гостя, обращеннаго въ инструментъ, было забавно; въ тоже

самое время Данченко весь становился *pizzicato*: они выражались въ глазахъ, улыбкѣ и ужимкахъ его.

Лучше всѣхъ другихъ пѣсть пѣвали мы пѣсню:

Чарочки по столику
Похаживаются.

Стихъ: «Думаю, подумаю идти ли за него», обыкновенно пѣлся пиджикато р, что дѣйствительно было эффектно. Кукольникъ Несторъ иногда писалъ намъ куплеты *de circonsances*; мы подбирали ему музыку, или я сочинялъ ее, разучивалъ и управлялъ хоромъ.

Онъ же (Кукольникъ) описалъ намъ братію или комитетъ въ довольно удачныхъ стихахъ; приведу здѣсь нѣкоторые:

Вотъ входить на моментъ. . . . .
Не пьющий пьяница; охрипший съ юныхъ дней;
Сгѣшить на ватеръ клозъ и, сиди, просить содѣ;
И арію поетъ, какъ жертву для друзей.
Отъ сна смертельный ты Данченку воздвигни;
Что въ сутки, трое сутокъ спитъ.
. . . . .

Съ улыбкой блудной, да видеть комитетъ.

Эта улыбка была очень забавна и не мало содѣствовала къ общему веселію во время хорового пѣнія. Г**. почти постоянно сидѣлъ за шахматной доской; вотъ стихи Кукольника обѣ немъ:

Вотъ докторъ розовый,
И нѣмецъ, и поджарый
За шахматной доской,
Какъ вкопанный, сидѣтъ;
Не соблазнишьничѣмъ
Ни трубкой, ни сигарой,
Но пиво и рейнвейнъ
Кого не соблазнить.

Рыцарь Бобо (Богаевъ), по возвращеніи изъ должности, рѣдко отходилъ отъ своей конторки, трудясь съ похвальнымъ постоянствомъ надъ дѣлами. Онъ былъ влюбленъ въ молодую вдову, жившую съ матерью вдовою же. Про него, между прочимъ, Кукольникъ написалъ:

Гдѣ былъ?—у вдовушекъ.
Что дѣлалъ?—былъ влюбленъ.

Рыцарь Бобо сказалъ однажды Лоди, указывая на вдовушку: «Смотри, якъ она мыло улибается». Теперь Богаевъ женать на своей возлюбленной и занимаетъ очень хорошее мѣсто *).

*) Въ теченіи этого года я часто бывалъ у Степановыхъ и сблизился съ Николаемъ Алекс., известнымъ нашимъ карикатуристомъ. М. И. Глянца.

Ex officio, я присутствовалъ на обрученіи и бракосочетаніи е. и. в. великой княгини Марії Николаевны. Во время обѣда играла музыка, пѣль теноръ Poggі (мужъ Фреццолини) и придворные пѣвчіе; я былъ на хорахъ и стулья ножей, вилокъ, тарелокъ поразилъ меня и подала мысль подражать ему въ Интродукціи «Руслана», что мною впослѣдствіи, по возможности, выполнено.

Въ продолженіи всего 1839 г. я за оперу не принимался, написалъ же: Вальсъ (G-dur) и Польскій (E-dur) для оркестра и посвятилъ ихъ великой княгинѣ Марії Николаевнѣ. Е. К**. выбрала изъ сочиненій Кольцова и переписала для меня романсъ: Если встрѣчусь съ тобой,—я его тогда же положилъ на музыку. Для нее написалъ *Valse Fantaisie*, хотя нанечатанные экземпляры и посвящены Д. Стунѣеву. Для сестры Елизаветы Ивановны, бывшей тогда съ полуглухонѣмъ племянникомъ Соболевскимъ въ Петербургѣ, написалъ я nocturne: *La Séparation* (F-moll) для фортепіано. Принялся также за другой nocturne: *Le regret*, но его не кончилъ, а потому употребилъ въ 1840 г. для романса: Не требуй пѣсень отъ пѣвца *).

Въ августѣ скончался братъ мой Андрей Ивановичъ. Ему было лѣтъ шестнадцать, онъ былъ красивой наружности, чрезвычайно счастливыхъ способностей, особенно гениального расположения къ математикѣ: теоремы геометрическія могъ разрѣшать безъ указанія профессора. Онъ былъ первый въ верховойѣездѣ въ школѣ Гвардейскихъ подпрапорщиковъ; возвратясь изъ лагеря гостили у меня на дачѣ съ недѣлю или двѣ. Мы съ нимъ очень подружились за это время.

Въ послѣдній разъ еще на ногахъ я видѣлъ его у сестры Марии Ивановны. Когда я изъ квартиры Кукольника въ тотъ день поѣхалъ къ ней, отъ самаго начала Шпалерной улицы, до самаго Смольного меня провожала съ лаемъ и остерьеніемъ черная собака; она металась на одного меня такъ злобно, что я долженъ былъ положить ноги свои почти на шею извозчика,

*) На полѣ карандашомъ во второй разъ записано: „балъ на водахъ“. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ того времени (1837 г. № 182 и 201) находится описание двухъ баловъ на минеральныхъ водахъ, на которыхъ присутствовало все тогдашнее модное общество. Изъ описаний мы видимъ только, что на этихъ балахъ играли кадриль на мотивы изъ «Жизни за Цара».

Ред.

несмотря на то, что на встречу нам попадалось множество экипажей и телегъ. Я нашел брата измѣнившагося въ лицѣ; на вопросъ мой: «что съ тобой, Andr  ?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «ничего, голова болитъ».

Сестра вздумала играть въ карты; братъ тогда поставилъ мнѣ стулъ подлѣ Е. К.... Понгравъ нѣсколько, сестрѣ вздумалось печатать письмо. На столѣ стояли двѣ зажженныя свѣчи, а сестра для большаго удобства зажгла еще свѣчку въ маленькомъ подсвѣчнике. Е. К. замѣтила сестрѣ, что не хорошо, когда горятъ три свѣчи на столѣ; не обративъ вниманія на это предостереженіе, сестра продолжала печатать и не потушила третьей свѣчи.

Недѣли за двѣ передъ тѣмъ гостила у Софьи Петровны одна знакомая; когда она для меня гадала въ карты, всегда ложились всѣ пики, такъ что она наконецъ стала прятать ихъ отъ меня.

На другой день послѣ свиданія съ братомъ у сестры, ему сдѣлалось хуже, а на третій день онъ скончался отъ воспаленія кишечка, перешедшаго въ антоновъ огонь.

Кончина брата поразила и огорчила меня нескованно. Взявши 28-дневный отпускъ, въ сентябрѣ я отправился къ матушкѣ въ деревню съ сестрою Марьей Ивановной и дядею Иваномъ Андреевичемъ. Во время пребыванія въ Новоспасскомъ я прихварывалъ, что впослѣдствіи повторялось всякий разъ, когда я бывалъ въ деревнѣ.

*).

Сообразивъ все, я рѣшился объявить о моемъ намѣреніи оставить жену, посредствомъ письма, которое отправилъ къ ней вечеромъ 6 ноября. Вотъ приблизительно его содержаніе: «Причины, о которыхъ я считаю нужнымъ умолчать, заставляютъ меня разстаться съ вами; но мы должны это сдѣлать безъ ссоръ и взаимныхъ упрековъ. Молю Провидѣніе, да сохранитъ васъ отъ новыхъ бѣствий. Я же приму всѣ мѣры для возможнаго устройства судьбы вашей и потому намѣренъ выдавать вамъ половину моихъ доходовъ».

Это письмо не произвело сильнаго впечатлѣнія на Марью Пет-

*) Здѣсь нами тоже сдѣланъ небольшой пропускъ нѣкоторыхъ слишкомъ интимныхъ семейныхъ подробностей.

Ред.

ровну; когда же на другой день я приказалъ крѣпостнымъ людамъ, въ моемъ услуженіи находившимся, оставить казенную квартиру, вывести оттуда лошадей, матушкою мнѣ данныхы, выпороть изъ мебелей, бывшихъ въ гостиной, шитье моихъ сестеръ и нѣкоторыя другія вещи драгоценныя мнѣ потому, что я получилъ ихъ отъ уважаемыхъ и любимыхъ мною лицъ (все прочее, какъ-то: брильянты, мебели, карету и проч. оставилъ женѣ), тогда Марья Петровна заплакала не на шутку; говорять даже, что ее отирали.

Все петербургское бабье, подъ предводительствомъ графини Е. М. С. и Е. А. Г. возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ. Я, во избѣжаніе непріятныхъ посѣщеній, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ немногихъ самыхъ искреннихъ пріятелей, захворалъ и, по болѣзни, жилъ безвыходно на квартирѣ Степанова, въ Гарновскаго домѣ у Измайловскаго моста.

Нѣсколько дней послѣ разрыва съ женою, я получилъ приглашеніе отъ сенатора Сумарокова, который любилъ меня и Марью Петровну, навѣстить его въ 12 ч. утра на другой день. По моей привычкѣ я приѣхалъ къ нему полчаса раньше; онъ этимъ видимо былъ встревоженъ и неоднократно повторялъ, что назначилъ мнѣ ровно въ 12 часовъ быть у него. Я подозрѣвалъ замыселъ противу меня, и не ошибся; ровно въ 12 часовъ дверь отворилась и вошолъ съ важнымъ видомъ, учившій и вѣнчавшій меня, протоіерей Алексѣй Ивановичъ Маловъ. Тутъ начали убѣждать меня примириться съ женою или, по крайней мѣрѣ, жить съ нею хоть розно, но подъ одной кровлей; это послѣднее предложеніе изобрѣтено было сенаторомъ. Цѣлый часъ я упорно и ловко защищался, и наконецъ такъ рѣшительно и удачно уничтожилъ всѣ ихъ доводы, что они должны были умолкнуть.

Послѣ этого я цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ дома; былъ только разъ у Львова, объявя ему, что я болѣе служить не въ силахъ. Львовъ убѣдилъ меня остаться еще на полтора мѣсяца, дабы дослужить до слѣдующаго чина.

18-го декабря 1839 г. я былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго ассесора. Въ это время опасно заболѣла Е. К.; сестра Марья Ивановна, часто навѣщавшая меня въ домѣ Гар-

новскаго, скрыла отъ меня это обстоятельство изъ опасенія огорчить меня.

Жилось у Степанова не совсѣмъ худо, съ меныши мъ братомъ его Владиславомъ я рисовалъ, деревья въ особенности. Кромѣ того постоянными посѣтителями были капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Тиличеевъ, весьма умный и образованный человѣкъ; полковой докторъ Садовскій, Сергій Николаевичъ Муравьевъ (Тимей), усердно занимавшійся философіей, и наконецъ Янненко. Фортепьянно не было, но шла дружеская, живая бесѣда.

Петръ Степановъ былъ въ отлучкѣ и часть квартиры его, а именно комната разрисованная чертовщиной и каррикатурами на шахматномъ бѣломъ и черномъ полѣ самимъ Николаемъ Степановымъ, отдана имъ была на время одному изъ офицеровъ л.-г. Егерскаго полка. У него была бульдошка, которая вела себя не хорошо, такъ что каждое утро употребляли скребницу для очищенія комнаты, а потомъ на той же скребнице курили, чтобы уничтожить зловоніе *). У Степанова бывали также временамъ знакомые литераторы, какъ-то: Филимоновъ, Бенедиктовъ и Бернетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ, ПИСЬМА.

Одна изъ резолюцій Петра Великаго 1719 г. Съ учрежденіемъ штатсь-конторы и съ опредѣленіемъ штатнаго положенія для каждого отдѣльнаго управлениія, Петръ запретилъ отпускать деньги на расходы сверхъ опредѣленія штатной суммы. Дворцовая канцелярія получала деньги на покупку съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для императора изъ суммъ штатсь-конторы. Въ концѣ 1719 г. вся назначеннага по штату сумма истощилась, а, между тѣмъ, необходимо было закупать провизію слишкомъ на 3000 р. Дворцовая контора заявила штатсь-конторѣ, что у нея денегъ налицо ничего нѣтъ. Штатсь-контора представила обѣ этомъ императору Петру и онъ на докладѣ подписалъ: „выдать для того, что неѣтчи быть нельзя“. (Изъ дѣлъ штатсь-конторы кн. № 4. Архив. М. Ю.).

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

*) Рукою Кукольника приписано: „Къ чему это нужно?“ А рукою Глинки „А почему и нѣтъ?“